

И.Л. Честнов

Социальный контроль в постсовременном обществе

Автор показывает изменения социального контроля, происходящие в современном обществе. Новые принципы государственного управления и новые методы власти заставляют пересмотреть содержание социального контроля. Новыми качествами социального контроля сегодня являются процессуальность и человекообразность. В постсовременном обществе проблематизируются общественный порядок и легитимность власти.

Ключевые слова: социальный контроль; общественный порядок; власть; легитимность власти; государство.

Социальный контроль — важнейшее условие воспроизводства (как традиционного, так и инновационного) социума, сохранения социальности. Все виды принуждения и ограничений, выступающих имманентным свойством социального контроля, «являются одновременно разновидностями возможностей, средством “санкционирования” деятельности» [3: с. 183]. Поэтому проблема «социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого», пишет Я.И. Гишинский [4: с. 388]. При этом социальный контроль включает не только деятельность государственной власти по выявлению социальных девиаций (причем только негативных), но и все государственное управление и даже самоуправление в обществе (начиная с малой группы и заканчивая всем человечеством). Определение пределов и содержания социального контроля исторически и социокультурно обусловлено и зависит, в первую очередь, от господствующих в данном социуме мировоззрения, выстроенной картины мира и идеологии. Так, либеральное определение социального контроля предполагает минимальное вмешательство государственного регулирования и отождествление социального контроля преимущественно с репрессивной функцией государства. Государство как «ночной сторож» выполняет свою надзорную миссию, но другие формы социального (от имени общества) вмешательства в частную сферу в принципе недопустимы. При коммунистической (республиканской) идеологии, напротив, предполагается активное воздействие государства на частную и общественную жизнь. Это же касается и социал-демократической идеологии. Полное поглощение жизнедеятельности индивида, его растворение в социальных формах, допускаемых властью (партийной, религиозной или какой-либо другой, поглотившей в том числе и государственный аппарат), характерно для тоталитарных (включая теократические) идеологий. Если в XIX в. господствовало либеральное представление

о социальном контроле, то в XX в. — теория социальной инженерии, наиболее последовательно разрабатывавшаяся американским юристом Р. Паундом — лидером социологии права в США. Сегодня — в эпоху кризиса «больших нарративов» (Ф. Лиотар) — социальный контроль трактуется в широком смысле как социальное управление. При этом важно отметить, что содержание последнего значительно трансформировалось по сравнению с представлениями о нем и его содержанием в эпоху модерна. В конце XX в. государственное управление (включающее социальный контроль в узком смысле слова) достаточно радикально изменяется: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием, когда власть действует с помощью «символического насилия».

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека, формируя его как социального (и правового) субъекта, определяя его идентичность, потребности и интересы, экспектации и интенции. Одновременно достаточно кардинально меняется представление о власти: власть — это не инструмент, принадлежащий кому-то, кто его использует по своей воле, а всепроникающий аспект общественной жизни. Власть, утверждал М. Фуко, «...пронизывает и производит вещи, вызывает удовольствие, формирует знание, производит дискурс» [11: с. 119]. «Отношения власти глубоко укоренены в социальных связях, <...> они не образуют какой-то дополнительной структуры поверх общества, о радикальном упразднении которой можно мечтать. Жить в обществе в любом случае означает жить так, чтобы одни могли бы воздействовать на действия других. Общество “без отношений власти” может быть лишь абстракцией. А это — скажем мимоходом — делает политически тем более необходимым анализ отношений власти именно в конкретных обществах, делает необходимым анализ их исторического формирования, того, что придает им стабильность или нестабильность, анализ условий, необходимых для того, чтобы преобразовывать одни и упразднять другие. Ведь сказать, что не бывает обществ без отношений власти, не означает ни того, что данные нам отношения власти необходимы, ни того, что в любом случае власть образует в средоточии обществ некую неустранимую фатальность; но это означает, что анализ, совершенствование, постановка под сомнение отношений власти, а также “агонизм” между отношениями власти и не транзитивностью свободы представляют собой непрерывно стоящую перед нами политическую задачу; это также означает, что тут и заключается политическая задача, внутренне присущая всякой социальной жизни» [8: с. 184].

Одновременно (или «параллельно») власть производит субъектов, формируя их характер и «нормализуя их», делая их способными и склонными придерживаться норм здравого смысла, здорового образа жизни, сексуального поведения и других нормативов благопристойности. При этом власть, как и все социальные явления и процессы, — принципиально амбивалентна: она как минимум может быть в определенном контексте принудительной, а может быть и продуктивной.

Одним из важнейших направлений деятельности государственной власти становится конструирование политической идентичности. Именно такое

конструирование привело к формированию новых наций и государств в XX в., освободившихся от колониальной зависимости. Сегодня это серьезнейшая проблема, порожденная мультикультурностью современных сообществ. Куда приведет трансформация государства-нации в связи с изменениями политической идентичности, предсказать невозможно. Но очевидно, что сегодня политика — это прежде всего борьба между группами за идентичность, в том числе властной иерархии.

Социальный контроль с позиций постклассической эпистемологии, обусловленной ситуацией постмодерна, — это не некая данность, а процесс конструирования и воспроизведения общественного порядка, важнейшим аспектом которого выступает правопорядок. Такой процессуальный подход вытекает из прагматического «поворота» — «знания как», заменяющего «знание что». В силу неисчерпаемости и невозможности «единственно верного» описания и объяснения социального мира, гораздо важнее попытаться зафиксировать механизм его — социального контроля — действия (функционирования), а не искать эссенциалистские характеристики.

Социальный контроль с такой процессуальной — дискурсивной (так как деятельность человека опосредована знаково-символически) — точки зрения представляет собой, во-первых, определение того, что считать общественным порядком (и правопорядком), включая его нарушаемость. Во-вторых, мониторинг состояния общественного порядка. В-третьих, допустимые способы и механизмы выявления, реагирования и предупреждения его нарушений, прежде всего, сдерживания отклонений от нормы. Близкой представляется позиция Я.И. Гилинского, который считает, что контроль над преступностью включает: установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (криминализация деяний); установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления; формирование институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т. п.); определение порядка деятельности учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью; деятельность этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказания в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний; деятельность институтов, организаций, частных лиц по осуществлению неформального контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» — *neighbourhood watch*); деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по профилактике (предупреждению) преступлений [4: с. 393].

Интересный подход к социальному контролю предлагает американский социолог Д. Блэк. Он выделяет стили социального контроля — карательный, компенсаторный, терапевтический и примиренческий (*conciliatory*). «Каждый из них

предполагает особый способ определения девиантного поведения и реакции на него. Каждый имеет свой язык и логику» [10: с. 5]. Тем самым подчеркивается амбивалентность и контекстуальность социального контроля.

Механизм социального контроля сегодня не может не быть имманентно человекообразным. Антропологизм социального контроля предполагает, что человек — центральный компонент общественного порядка, конструирующий и воспроизводящий его социальными практиками и одновременно социализирующийся в нем. С методологической точки зрения это означает идти за акторами социального контроля и акцентировать внимание на механизмах социализации: выявлять кто и как именно конструирует социальные инновации и как происходит диалогическое взаимообусловливание действия (свободы воли) и принуждения структуры. Л. Альтюссер в свое время заявил, что «субъект» есть одновременно «центр инициатив» и «подчиненное существо», свободно принимающее свое подчинение [9: с. 169], а М. Фуко показал, как субъект конституируется через подчинение власти — практики самости, «схемы, которые он находит в своей культуре и которые предлагаются, внушаются и навязываются ему его культурой, его обществом и его социальной группой» [6: с. 256]. При этом важно, что сегодня происходит локализация, фрагментаризация и диффузия субъектов социального контроля.

Постсовременность — это проблематизация общественного порядка и его важнейшего аспекта — правопорядка, выступающих целью и одновременно результатом социального контроля. **Общественный порядок** — как и общество в целом — не «вещь» или данность, а процесс воспроизведения того, что считается властью «порядком» и воспроизводится массовыми социальными представлениями и практиками населения. При этом критерий «нормальности» порядка (его «порядковости») определяется системой ценностей, к которой апеллируют при его нарушаемости (когда порядок не проблематизируется — он не рефлексивируется и воспринимается как данность, естественный ход вещей).

Общественный порядок можно рассматривать как систему типизаций (социальных представлений, выражающих значения, доминирующие в данном социуме, конкретизированные до уровня социальной ситуации и носящие процессуальный характер поведенческого стереотипа). Типизации или фреймы (или скрипты) «упорядочивают действия и значения, посредством которых в процессе “исполнения” повседневной рутины поддерживается чувство онтологической безопасности. Фреймы представляют собой группы правил, которые помогают создавать и регулировать деятельность, относя ее к тому или иному типу и определяя в качестве объекта установленного диапазона санкций. <...> Формирование особой рамочной структуры, состоящей из и ограниченной взаимодействиями, “придает смысл” действиям, в которые вовлечены участники, с точки зрения их самих и окружающих индивидов. Сюда входит не только “буквальное” понимание событий, но и критерии, на основании которых индивид может осознать, что происходящее носит характер комичности, игры, театрального представления и т. п.» [3: с. 145]. В практической жизнедеятельности типизация наполняется конкретизацией процессуального знания ситуации, «нормальности» поведения

в ней, на которое накладывается конкретный интерес данного участника (участников). Выбор варианта поведения предполагает соотнесение знания о типичности ситуации, ожиданий поведения контрсубъекта и собственных интересов, трансформированных в мотивацию.

В этой связи возникает проблема определения *интересов актора* социальных интеракций, образующих содержание общественного порядка, и проблема согласия (легитимности) как показатель «нормальности» порядка в социуме. Интересы акторов социальной жизни сложно эксплицировать по нескольким соображениям. Прежде всего, как справедливо заявляет С. Люкс, понятие «интересов» является непреодолимо оценочным понятием. Это связано с тем, что «различные представления о том, что же такое интересы, ассоциируются с различными моральными и политическими позициями» [5: с. 58]. Интересы можно попытаться определить как то, что люди считают самым важным в своей жизни; можно — как субъективные предпочтения людей; можно также представить их как «необходимые условия человеческого благосостояния»; а можно — как то, что «конститутивно для благополучия, то есть, содержание достойной жизни» [5: с. 118, 121]. Но более важно, пожалуй, другое. Для того чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми воспроизводится общественный порядок, они должны быть осмыслены акторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов социальных интеракций и системой социальных норм, образующих содержание социального порядка. Но, во-первых, люди крайне редко рефлексировать свои действия, а действуют в основном на основе интериоризированных в процессе социализации типизаций социальных ситуаций. Во-вторых, у подавляющего большинства людей сегодня общественное мнение как четко выраженные представления о должном и правильном и средствах его (должного и правильного) достижения, а не мечтания о том, что хорошо быть богатым и здоровым, по многим, особенно сложным, ситуациям отсутствует. Оно — общественное мнение — как показал П. Бурдьё, формируется и навязывается властью (в широком смысле, включая прежде всего власть СМИ, референтные группы) [1: с. 177]. Эффект символического господства состоит, по его мнению, в формировании «габитуса» — диспозиций, реализация которых порождает «практический разум» и упорядочивает представления актора о мире на уровне более низком, чем сознание [2: с. 107, 111]. Неслучайно Ж. Делез в свое время заметил: «...почему же происходит так, что люди, у которых вроде бы нет своего интереса, тесно смыкаются с властью, выключивают себе долю участия в ней? Быть может, это происходит потому, что в терминах инвестиций — столь же экономических, сколь и относящихся к языку бессознательного, — корыстный интерес отнюдь не окажется определяющим словом, потому что есть инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, — поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, — но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес» [6: с. 77].

Еще проблематичнее определить *легитимность или согласие подвластных* на то или иное конкретное содержание общественного порядка, без чего он — социальный порядок — немислим. Дело в том, что предположение о рациональности легитимации как процедуры легализации общественного порядка, якобы приходящей на смену традиционной легитимации как суггестии (внушения), на чем настаивал М. Вебер, оказалось завышенным ожиданием. И даже гораздо более утонченные концепции аутопойезиса Н. Лумана или де-либеративной (коммуникативной, процедурной) легитимации Ю. Хабермаса сегодня представляются не более чем утопиями. «Идея, будто может существовать состояние коммуникации, — писал М. Фуко, — которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежит к порядку утопии» [6: с. 266]. Более того, современная государственная рациональность, по изысканиям М. Фуко, коренится в теории государственного интереса, состоящего в самосохранении, и концепции полиции как тотальном управлении всей жизнедеятельностью человека. Поэтому, заключает он, «современным школам рациональности вряд ли нравятся попытки написать их историю, что, безусловно, свидетельствует о многом» [7: с. 303, 315].

Более того, сегодня проблематизируется не только рациональность выбора как основание согласия в обществе, но и сам критерий свободы такого выбора, как и сам выбор, если обстоятельства, ему предшествующие, и результат зависят от множества не поддающихся расчету факторов. В этой связи можно согласиться с точкой зрения К. Хейворд, которая пишет, что области действия необходимо ограничены процессами аккультурации или формирования идентичности, поэтому невозможно различие свободного действия и действия, определяемого воздействием других [12: с. 30].

Сложность экспликации легитимности общественного порядка состоит в том, что общественные интересы, если таковые существуют как четко выраженные предпочтения, всегда ситуативны, изменчивы, подвержены манипуляциям власти. Более того, отсутствие сопротивления существующему порядку не означает, что он — порядок — легитимен, т. е. принимается населением как «правильный», справедливый, другими словами, одобряется широкими народными массами. Как показал Д. Скотт в работе «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» [13], подвластное население зачастую притворяется, чтобы выжить, и поэтому не высказывает явного недовольства существующим положением дел. Поэтому только в реально демократических обществах (и то с некоторыми оговорками) можно выявить легитимность социального порядка социологическими методами. В иных обществах требуются глубинные антропологические исследования для выявления легитимности общественного порядка.

Легитимность, как показал П. Бурдьё, состоит в навязывании властью с помощью символического господства представления о том, что существующий социальный порядок самоочевиден и естественен, при этом скрывается с помощью механизма социальной амнезии его сконструированность властью из «первичного произвола». В то же время он предостерегал от признания того, что легитимация

социального порядка является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения. Натурализация социального порядка достигается непреднамеренно действием множества факторов. Но нельзя недооценивать власть идеологии, которая, как пишет С. Люкс, «...принимает разные формы... — от прямой цензуры и дезинформации до различных институциональных и персональных способов инфантилизации суждения, продвижения всех вариантов отказа от рациональности и поддержания иллюзорного мышления, среди которых «натурализация» того, что могло бы быть иным, и сокрытие источников желаний и верований» [5: с. 212–213].

Таким образом, общественный порядок как продукт социального контроля конструируется механизмами господства, которые включают, по мнению С. Люкса, «внедрение представлений (и последующий надзор за их укоренением) о сексуальной и ментальной «нормальности», о стандартах моды и мифах красоты, а также о гендерных ролях и возрастных категориях и, кроме того, об идеологических границах — например, между приватным и публичным, рыночным и нерыночным; это также бесчисленные формы и способы подавляющего навязывания стереотипов, форматирования и подачи информации в масс-медиа и в политических кампаниях и проч.» [5: с. 176].

Анализ социального (правового) контроля предполагает выявление механизма правовой политики — конструирования правовых институтов (шире — правовой системы) и их воспроизводство в юридических практиках народных масс. Однако это тема для отдельной статьи.

Литература

1. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159–179.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
4. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 504 с.
5. Люкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. 320 с.
8. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.
9. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation) // Mapping Ideology. London: NLB, 1994. P. 127–184.
10. Black D. The Behavior of Law. New York: Academic Press, 1980. 220 p.
11. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, Pantheon Books, 1980. 272 p.

12. *Hayward C. R.* De-facing Power. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 228 p.
13. *Scott J.G.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 p.

Literatura

1. *Burd'e P.* Obshhestvennoe mnenie ne sushhestvuet // *Burd'e P.* Sociologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993. С.159–179.
2. *Burd'e P.* Prakticheskij smysl. SPb.: Aletejya, 2001. 562 s.
3. *Giddens E'.* Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.
4. *Gilinskij Ya.I.* Kriminologiya: teoriya, istoriya, e'mpiricheskaya baza, social'ny'j kontrol'. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2009. 504 s.
5. *Lyuks S.* Vlast': Radikal'ny'j vzglyad. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 2010. 240 s.
6. *Fuko M.* Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'yu. Ch. 1. M.: Praxis, 2002. 384 s.
7. *Fuko M.* Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'ju. Chast' 2. M.: Praxis, 2005. 320 s.
8. *Fuko M.* Sub'ekt i vlast' // *Fuko M.* Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'yu. Ch. 3. M.: Praxis, 2006. 320 c.
9. *Althusser L.* Ideology' and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation) // *Mapping Ideology.* London: NLB, 1994. P. 127–184.
10. *Black D.* The Behavior of Law. New York: Academic Press, 1980. 220 p.
11. *Foucault M.* Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, Pantheon Books, 1980. 272 p.
12. *Hayward S. R.* De-facing Power. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 228 p.
13. *Scott J.G.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 p.

I.L. Chestnov

Social Control in the Postmodern Society

The author shows the changes of social control which occur in modern society. The new principles of governance, methods of authorities force to revise the content of social control. The new qualities of social control today are procedurality and human-sizedness. Public order and legitimacy are problematized in (post) modern society.

Keywords: social control; public order; authority; legitimacy; state.